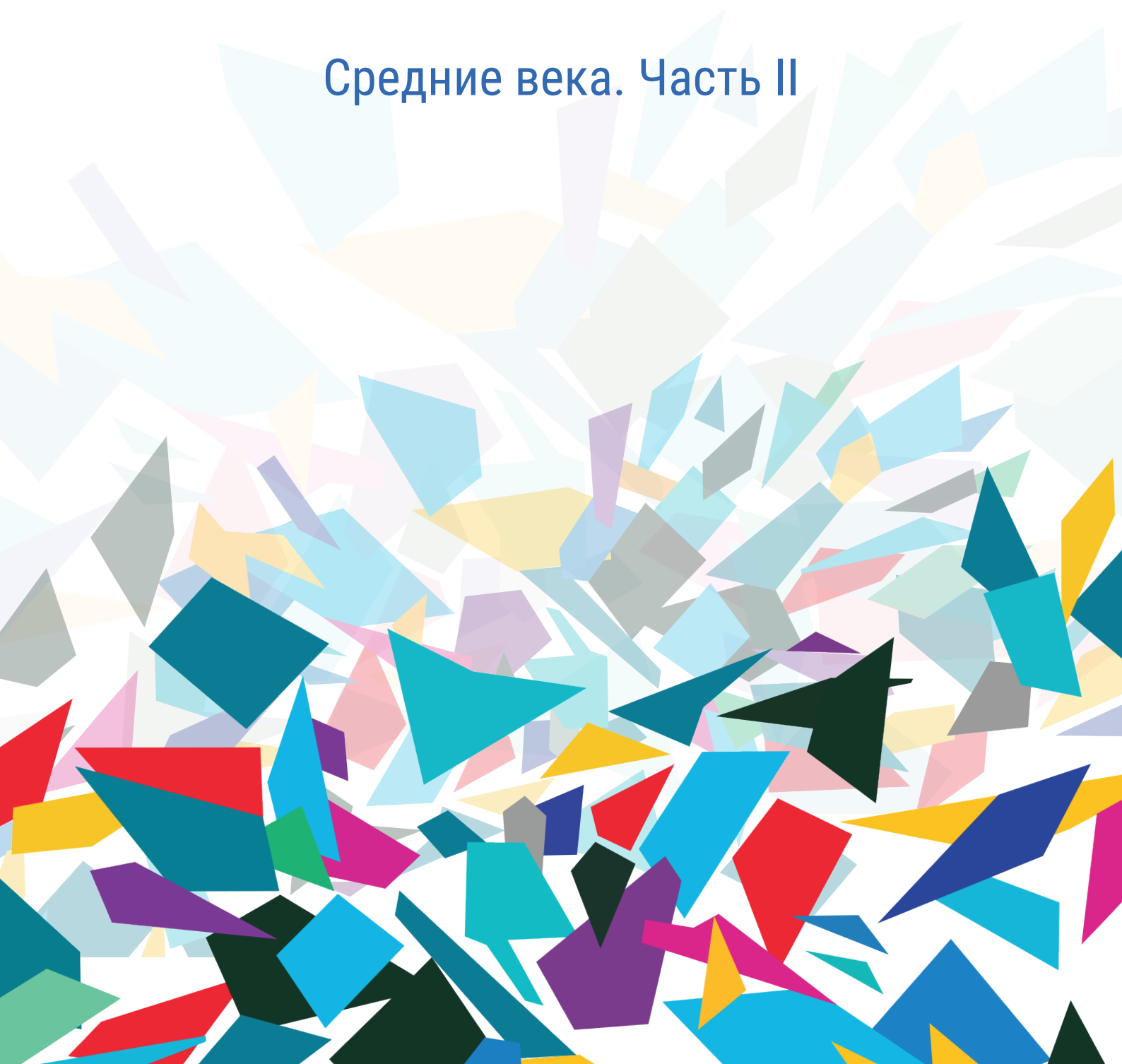

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Средние века. Часть II

Главный вопрос нашей прошлой лекции заключался в особенностях исторического мировоззрения средневекового сообщества. Мы показали, что при безусловном наличии схожих черт с античной историографией, средневековая историческая традиция выдвинула и развила ряд концептуальных нововведений, среди которых первое место принадлежало уникальному восприятию историческому времени как первостепенного и необходимого условия исторической событийности. Представление об историческом времени как имеющим начало и конец вышло из ветхозаветных текстов. К ветхозаветным текстам восходит и мысль об истории как о поле взаимодействия между Богом и человечеством. В отличие от античных сверхъестественных сил христианский Творец полностью историчен, поскольку история «создана» и «выбрана» Им для реализации своего замысла.

Как же отразились философские концепции о сути и цели истории на конкретной практике написания исторических работ? В этой лекции мы и поговорим о том, как и о чем писались истории, какую цель преследовали авторы и кому их работы предназначались.

С формальной точки зрения, история представлялась средневековым авторам рассказом о прошлом, нежели исследованием прошлого в современном смысле слова. Именно поэтому слова «деяния», «события» нередко помещались в заглавия исторических сочинений и обозначали описание жизни отдельных народов.

В тоже время нельзя говорить о существовании некой, пусть и условной, классификации истории на поджанры. Экономическими или социальными аспектами исторического бытия средневековые авторы специально не интересовались. Ими двигало желание осветить то, что, по их мнению, было «достойно памяти». И здесь также сложно говорить об универсальных правилах оценки «достоинства».

Исторические работы Средних Веков могут быть поделены на «деяния» и «хроники», или анналы. Первые были весьма пространны, вторые – кратки. Сочетание двух подходов долгое время не представлялось возможным. Лишь ближе к концу средних веков возникает синтез, который так и именуется: «история и хроника».

Для чего же писались истории?

Историк описывал события – войны, взаимоотношения представителей светской и церковной элиты, факты истории церкви, за которыми стояла картина возникновения, развития и преемственности институтов власти. Тем самым он устанавливал факт преемственности с прошлым. Это позволяло ему (и институтам, на службе которых он находился) обосновывать существовавший порядок вещей. Церковные или династические претензии коренились в традиции и в документах (часто поддельных), к коим традиция свободно апеллировала.

Кроме того, история как практика являлась интегральной частью Библейской эксегезы, глубокой, аллегорической интерпретации священного писания. Авторы объясняли исторический смысл описанных событий в рамках общехристианской парадигмы. Историческое прочтение библейских событий и образов предвляло собой все последующие интерпретативные практики, являясь, по словам теологов, фундаментом духовного познания (Иероним) и всякой науки (Гуго Сен-Викторский).

Постоянное освещение библейских событий с перспективы их исторического значения привело к «натурализации» ветхозаветной истории христианами латинского Запада. События, произошедшие в древней Иудее, им казались ближе, чем память о языческом Риме. Ветхозаветная традиция служила образцом средневековых исторических сочинений, она воплощала в себе абсолютный образец истории как таковой.

История давала возможность не только прояснить смысл прошлого с точки зрения Божественного плана, но и пролить свет на грядущее, что в глазах христиан было не менее очевидным, чем минувшее. Неудивительно, что ключевые памятники средневековой историографии включают в себя и описание еще не наступившего, но predetermined. Так, Августин делит всю историю на шесть возрастов, при этом последний возраст, начавшийся страстями христовыми, должен закончиться вторым пришествием.

Отгон Фрейзингенский, автор хроники «О двух государствах», изложив историю от Адама до современного ему момента, повествует в последней книге о грядущем конце света.

Поэтому знание истории являлось важным, если не краеугольным элементом в познании Бога и Божественного плана.

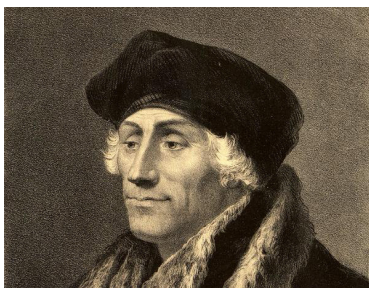
Включенная в качестве особого и необходимого компонента в систему библейской экзегезы история была признана ученой культурой средневековья как род научной практики, хотя и стоящей на низшей ступени возможных истолкований смыслов и явлений. Более того, как в рамках религиозно-теологической схемы, так и в рамках вполне конкретного, мирского существования от истории требовалось установление последовательности реальных событий. Эта последовательность указывала на осуществление Священной истории, но могла также помочь выявить взаимосвязи между действиями участников отдельных событий, движимых конкретными «земными» мотивами.

Уже упомянутые нами историко-теологические схемы Августина Гиппонского и Отгона Фрейзингенского не находили прямого отражения в практике историописания. Долгое время относительное летосчисление, известное по античной практике, сохраняло позиции в средневековых хрониках. Однако постепенно Рождение, Крещение, Страсти Христа утверждаются в качестве фундаментальных вех мировой истории, задающей шкалу летосчисления. Отсчет времени от Рождества Христова вводится в историографию первым английским историком Бедой Достопочтенным (672/673–735) в 731 году и получает распространение в XI веке.

Несмотря на многофункциональность истории она не являлась самостоятельной дисциплиной. Ее не включали в образовательную систему средневековья, в число «семи свободных искусств». Не располагая собственными правилами, историография подчинялась принципам, взятым у отдельных дисциплин средневекового научного канона. Таким образом, по определению средневековых интеллектуалов, она являлась неким «привеском» к «настоящим дисциплинам». Именно поэтому историческое толкование библейских текстов стояло на низшей позиции в богословской практике как приложение к аллегорическому, тропологическому и анагогическому способам понимания священного писания.

Историография, не являясь отдельной дисциплиной, все же черпала свои силы как из первого цикла университетского образования – тривиума, так и из второго – квадриума. У грамматики историография заимствовала идею выбора событий, у риторики – требование истинности сообщаемого, у диалектики – культуру организации мысли и аргументации. Хронография же требовала знания арифметики, геометрии и астрономии – трех дисциплин квадриума.

Ни в средневековой школе, ни в университете история так и не превратилась в предмет преподавания. Ученики, безусловно, читали античных авторов – Тита Ливия, Саллюстия, Светония, Валерия Максима, но лишь для того, чтобы постичь основы латинской грамматики, стиля, а заодно и подчерпнуть жизненную мудрость. Она воспринималась как школа жизни, хотя Эразм Роттердамский, нидерландский гуманист XVI века, и заметил, что в истории можно научиться и дурному.

В общем же, никому не приходило в голову сравнивать историю с «подлинными науками»: правом, философией или теологией.

Поэтому до самого конца средних веков историография оставалась пристанищем, не заслуживающим внимания лучших умов. Такое отношение со стороны образованного клира пагубно сказалось на развитии исторического жанра. Помимо «исторических книг» Библии весь исторический канон состоял из полутора десятка сочинений, пополненных в XI–XIII веках летописями о короле Артуре и деяниях Карла Великого. Примечательно, что именно эти сочинения, не имея глубокого интеллектуального посыла, пользовались наибольшим и долговременным успехом у читающей публики после изобретения книгопечатания.

Здесь будет уместным поговорить о той средневековой публике и об историках, писавших для нее.

В Средние Века написание истории было уделом клира, представителей монашеских орденов. К 1000 году наиболее активными авторами исторических работ выступали бенедиктинские монахи. С XIII века на первый план выходят представители только что основанных Францисканского и Доминиканского орденов. Доминиканцы обнаруживают больше склонности к написанию кратких наставлений и монументальных энциклопедий всех знаний. Занимавшиеся проповедованием перед массовой (как правило неграмотной) аудиторией городских жителей, францисканцы отходят от предшествующей книжной традиции в вопросах выбора тем, языка изложения и критики источников.

Написание исторического сочинения представлялось, по словам Гиральда Камбрейского, «многотрудным делом». В первую очередь автору необходимо было собрать максимально широкий круг источников. Наиболее достоверным, помимо сведений, подчерпнутых из авторитетных с точки зрения церкви источников, считалось виденное собственными глазами. За ним следовали свидетельства очевидцев, лишенные презумпции абсолютной правдивости в изложении событий. В расчет принималась людская молва, слухи, предания и сказы – различные манифестации коллективной общественной памяти. Эти источники – услышанное или увиденное – определяли нижнюю границу «нового» времени.

В описании же древнего времени авторы уповали на письменные памятники.

Историки Средневековья работали без архивов, зачастую в полной изоляции и без доступа к малочисленным библиотекам. Авторы не знали, кто из их современников над какой исторической проблемой работает.

Огромное влияние на средневековую историографию оказывала латинская образовательная и литературная традиция. Из нее они брали формулы, литературные модели, образы и понятия. Библия со своим языком и сюжетами обуславливала попытки осмысления реальных исторических событий, предоставляя готовые аналогии. Этот процесс сравнения реальности со священным прототипом не ограничивался лишь уровнем риторики. Библейские события мыслились как прообраз всей последующей истории человечества. Всякий предатель рисовался непременно Иудой, братоубийца – Каином, подвижник веры уподоблялся Христу, библейским пророкам и праведникам.

Историография не отражала исторической памяти народа, хотя и хранила в себе элементы народной памяти в виде сказаний и молвы. Историческое сознание оставалось достоянием узкого круга лиц – церковного клира и аристократических родов. Они писали историю, они же и читали ее.

Что находило в исторических произведениях читающее общество? Во-первых, исторические произведения служили отдыху и развлечению. Повествования о короле Артуре и рыцарях круглого стола, о Карле Великом и его окружении не сильно отличались от литературы и беллетристики, многочисленных рыцарских романов времени. Не требуя серьезной интеллектуальной подготовки аудитории, они предназначались для чтения вслух и были часто рифмованы и ритмизированы.

Более сложные тексты оставались уделом образованного клира и интеллектуалов, не имели широкого хождения. К таковым следует отнести такие выдающиеся памятники историко-политической и политико-теологической мысли, как «Деяния английских королей» (ок. 1125 г.) Уильяма Мальмсберийского, и уже упомянутую ранее «Хронику» Оттона Фрейзингенского.

Безусловно, интерес к истории в целом обуславливался прагматическими соображениями. Исторические работы формировали политическую и социальную самоидентификацию конкретного сообщества. Читались те истории, которые аудиторией воспринимались за «свои».

До XII века авторы уделяли внимание по большей мере королевской и императорской власти. В

дальнейшем стали появляться истории и других политических формаций: церковных земель, городов, и т.д.

Центральным событием XIII века стал переход авторов текстов с латинского на «народные», vernacularные языки. И переход от поэтической формы повествования к прозе. Эти изменения отражали настоящий переворот в историческом сознании светского общества. Все более очевидной становилась функция прошлого в качестве инструмента социальной интеграции. Так, аристократия Фландрии, столкнувшись с угрозой утраты своих привилегий, приступила к написанию текстов, повествующих о древней доблести знати, ее свободах и религиозных заслугах. Тем же им отвечала и усилившаяся королевская власть, вставшая с начала XIII века на путь государственной централизации. Французская династия Капетингов сознательно и целенаправленно использовала историографию в качестве инструмента монархических претензий на господство во французском королевстве. На исходе XIII века ими было инспирировано написание «Больших французских хроник», грандиозного исторического полотна, повествующего о достижениях французских династий. Монархия превращалась в центрального (если не единственного) персонажа формирующейся «национальной» истории.

Таким образом, к концу средневековья историография утрачивает присущее ей многообразие функций: теологических, религиозно-назидательных, правовых. Она все более приобретает значение источника социальной и политической идентичности с одной стороны, и национальной интеграции – с другой. В среде образованных людей зреет новое отношение к истории, интерес к прошлому приобретает самостоятельную ценность, не зависящую больше от прагматической полезности прошлого для целей христианской религиозной интерпретации исторического времени и политической легитимации.

Эти процессы стали характерной чертой переходного периода в истории Европы, периода Возрождения.

О меняющихся представлениях о смысле истории в эпоху Возрождения пойдет речь в нашей следующей лекции.